

Андрей М.

Сценарий для убийцы

Альтер М. Сценарий для убийцы

<https://litres.ru/74423228>

SelfPub; 2026

Аннотация

Писатель детективов Виктор Стрельцов обнаруживает на чердаке рукопись, которую считал сожжённой десять лет назад. Вскоре он понимает, что убийства, потрясшие город, в точности повторяют сцены из его неопубликованного романа. Некто следует его черновикам, а затем выходит на связь, называя себя его тенью. Чтобы выжить, Виктор должен дописать финал, но в оригинале он предполагал смерть автора. Теперь писателю предстоит сразиться с собственным отражением — и с тьмой, что живёт внутри него.

Содержание

Глава 1. Пепел, который не остыл	4
Глава 2. Голос из черновика	20
Глава 3. Чужие тени в «Дубовой роще»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Альтер М.

Сценарий для убийцы

Глава 1. Пепел, который не остыл

Дождь колотил по оконному стеклу с монотонностью метронома, отсчитывающего последние секунды чьей-то жизни. Виктор Стрельцов сидел в продавленном кресле, обитом вытертым велюром цвета запёкшейся крови, и смотрел, как капли, сливаясь в мутные ручейки, искажают очертания вечернего города за окном. В комнате пахло пылью, старым деревом и чем-то неуловимо кислым — запахом запустения, въевшимся в стены его съёмной квартиры. Виктор уже битый час гипнотизировал взглядом эту водяную завесу, пытаясь выжать из себя хоть одну стоящую мысль, но голова, обычно полная мрачных образов и запутанных интриг, отзывалась лишь глухой, вязкой пустотой.

Он был мастером слова. Писателем, чьё имя гремело в узких кругах ценителей детективного жанра, а затем — когда жанр стал слишком тесен для его амбиций — и в более широких литературных сферах. Четырнадцать романов, три сборника рассказов, две экранизации. Его герой, инспектор Громов, стал почти нарицательным персонажем, а его циничные афоризмы растаскивали на цитаты. Но всё это было

в прошлой жизни. В той, где он был полон энергии, где издательства дрались за право первыми напечатать его новый роман, где читатели заваливали его письмами, требуя продолжения. Теперь же, глядя на пустой экран ноутбука, мерцающий в полутьме, как зловещий сигнал, Виктор отчётливо понимал: колодец иссяк.

Некогда щедрый источник вдохновения, питавший его фантазию, затянуло илом. Последние три года он не написал ни строчки, достойной публикации. Попытки начать новый роман оборачивались жалкими, вымученными набросками, которые он сам же безжалостно стирал, не прочитав и до середины. Герои отказывались разговаривать, сюжетные линии рассыпались, как карточный домик, а язык, его главный инструмент, казался заржавевшим, неспособным передать ту глубину и напряжение, которых он требовал от себя. Он стал заложником собственного успеха. Критики, некогда превозносившие его, теперь со злорадством писали о «творческом кризисе», издатель вежливо, но настойчиво напоминал о контрактных обязательствах, а читатели, устав ждать, постепенно отворачивались.

Виктор пошевелился, и кресло жалобно скрипнуло, вторя его настроению. Он поднял взгляд на полку, уставленную его собственными книгами. Корешки с вытисненными золотом буквами: «Лабиринты тени», «Убийство в полнолуние», «Код Вавилона». Все они казались чужими, написанными кем-то другим. Рука сама потянулась к стакану с виски, сто-

явшему на подлокотнике. Жидкость янтарного цвета давно потеряла свой холод, но сохранила обжигающую горечь. Он сделал большой глоток, поморщился, но не от вкуса, а от отворачивания к самому себе. Алкоголь стал его единственным собеседником в эти долгие месяцы тишины.

Звук ударов капель по подоконнику внезапно изменился. К монотонной дробі добавился новый, более резкий и неровный стук. Ветка старого тополя, росшего под окном, раскачивалась от порывов ветра и скребла по стеклу, словно чья-то костлявая рука просилась внутрь. Виктор вздрогнул. В этом звуке ему почудилось нечто зловещее, некая настойчивость, которая вывела его из состояния апатии. Он резко встал, едва не опрокинув стакан, и подошёл к окну. Прижавшись лбом к холодному стеклу, он вгляделся в темноту. Двор был пуст, лишь мокрый асфальт блестел в свете единственного фонаря. Обычный питерский двор-колодец, в котором он снимал квартиру, скрываясь от назойливых журналистов и собственных призраков. Ничего необычного. Ветка дерева качнулась снова, и стук повторился. Всего лишь дерево.

Его внимание привлёк собственный письменный стол. Точнее, то, что лежало на нём рядом с ноутбуком. Тяжёлая связка ключей, среди которых выделялся массивный, с замысловатой бородкой, ключ от чердачной двери. Виктор не помнил, чтобы он был там. Обычно связка валялась в ящике прихожей. Он нахмурился, пытаясь вспомнить, когда в последний раз выходил из квартиры, и понял, что уже три дня

не переступал порога. Дни слились в один бесконечный, серый, дождливый вечер. Он взял связку. Металл был холодным и неприятным на ощупь.

И тут его осенило. Чердак. Где-то там, среди пыльных коробок и забытого хлама, он хранил старые вещи. Вещи из той, другой жизни. Не то чтобы он хотел их хранить, просто при переезде, в спешке и раздражении, он свалил всё, что не влезло в шкафы, в эти коробки и велел грузчикам отнести их наверх. Он не был там с тех самых пор. Почти десять лет. С того самого дня, как... Виктор оборвал мысль, не дав ей оформиться. Слишком болезненные воспоминания таились за этим «как». Но именно это «как» и стало причиной его нынешнего состояния. Причиной его творческой импотенции, его бегства от мира и его бесконечного одиночества.

Зачем ему идти на чердак? Что он надеется там найти? Ответ пришёл сам собой. Вдохновение. Возможно, прикосновение к прошлому, к своим истокам, к тем вещам, которые окружали его в период наивысшего творческого подъёма, сможет расшевелить уснувшую фантазию. Или, по крайней мере, позволит ему снова почувствовать себя живым. Это был жест отчаяния, но Виктор ухватился за него, как утопающий за соломинку. Медлить было нельзя. Алкоголь и апатия могли снова затянуть его в своё болото.

Он взял с полки старый, потрёпанный фонарик, проверил его — батарейки ещё дышали — и, накинув куртку прямо поверх домашней футболки, вышел в тёмный коридор.

Дверь квартиры закрылась за ним с глухим, окончательным щелчком, отрезав его от тепла и тусклого света. Лестничная клетка встретила его затхлым холодом и запахом кошачьей мочи. Подъезд был старым, с облупившейся краской на стенах и истёртыми до бетона ступенями. Каждый его шаг отдавался гулким эхом в пустоте. Виктор поднялся на последний этаж, стараясь не смотреть на двери соседей, за которыми шла своя, чужая и непонятная ему жизнь.

Вот и дверь на чердак. Массивная, обитая старым, местами порванным дерматином, из-под которого торчала серая вата. Она выглядела так, будто её не открывали целую вечность. Виктор вставил ключ в замочную скважину. Механизм долго не поддавался, скрипел, но наконец, с жалобным стоном, повернулся. Петли заржавели, и дверь открылась с протяжным, леденящим душу скрипом, который эхом разнёсся по лестничному пролёту. В лицо пахнуло холодом, пылью и запахом голубиного помёта. Луч фонарика разрезал темноту, выхватив из мрака косые балки, груды строительного мусора и бесконечные ряды старых вещей, укутанных в полиэтилен и тряпки. Это была кладовая чужой памяти.

Виктор осторожно ступил на шаткие половицы. Под ногами что-то хрустнуло — то ли битое стекло, то ли засохший голубиный помёт. Он двинулся вглубь, ведя лучом из стороны в сторону. Пыль клубилась в свете фонаря, танцуя в холодном воздухе. Вокруг стояли скелеты старой мебели: шкафы без дверей, этажерки, продавленные диваны. Всё это бы-

ло покрыто толстым слоем пыли, пахло тленом и забвением. Он искал свои коробки. Грузчики, по его просьбе, задвинули их в самый дальний угол, подальше от глаз.

Наконец, луч выхватил из мрака знакомые очертания. Несколько больших картонных коробок, скреплённых пожелтевшим скотчем. На одной из них маркером было выведено: «В. Стрельцов. Рукописи и архивы». Виктор подошёл ближе. Сердце забилося чаще. Он присел на корточки и начал срывать липкую ленту. Картон был влажным и размякшим, под пальцами он расползался. Внутри лежали старые журналы с его первыми публикациями, черновики ранних романов, письма читателей, пожелтевшие газетные вырезки с рецензиями. Всё это пахло типографской краской и минувшим временем. Он перебирал бумаги, и воспоминания накатывали волнами. Вот первый гонорар, которым он так гордился. Вот письмо от девушки, которая благодарила его за то, что «Громов помог ей пережить развод». Всё это было так давно.

Копаясь в ворохе бумаг, он наткнулся на плотную чёрную папку, спрятанную под грудой журналов. Она была перетянута обычной бельевой резинкой. Виктор мгновенно её узнал, и по спине пробежал холодок. Это была папка, в которой он хранил рукопись своего самого амбициозного и самого провального проекта. Романа, который он должен был написать десять лет назад. Романа, который должен был стать его вершиной. Романа, который он сжёг в своём камине, так

и не закончив. Или думал, что сжёг.

Дрожащими от волнения пальцами он снял резинку и открыл папку. Сверху лежал титульный лист. На нём, напечатанный на старой пишущей машинке, красовался заголовок: «Сценарий для убийцы». Виктор почувствовал, как горло сдавил спазм. Он отчётливо помнил ту ночь, когда печатал это название. Ночь, когда его жизнь разделилась на «до» и «после». Он тогда был одержим идеей создать абсолютно совершенный детектив. Роман, где убийца был бы не просто злодеем, а философом, художником, творцом, а его преступления — произведениями искусства. Он хотел написать книгу, которая бросит вызов самому понятию морали, погрузит читателя в пучину тёмной стороны человеческой души. Но в какой-то момент он зашёл слишком далеко. Материал начал поглощать его. Герои вышли из-под контроля, сюжет начал развиваться по своим, жутким законам, а он сам стал заложником собственного мрачного воображения. Он начал видеть сцены убийств наяву, слышать голоса персонажей. Творчество превратилось в кошмар. И однажды ночью, в порыве безумия, он схватил рукопись и бросил её в камин. Он смотрел, как пламя пожирает листы, как корёжятся страницы, как исчезает в огне весь тот ужас, который он породил. После этого он поклялся больше никогда не возвращаться к этому проекту.

Но вот она, папка. Целая и невредимая. Как такое возможно? Виктор лихорадочно листал страницы. Да, это был тот

самый роман. Он узнавал свой почерк, свои пометки на полях, сделанные чёрной ручкой. Всё то, что он, как ему казалось, уничтожил. Значит, это был черновик? Копия? Он ведь уничтожил чистовой вариант? Или... Или он не помнит? Память услужливо подсовывала образы: языки пламени, пляшущие на бумаге, запах горелого. Но он был не в себе. Может быть, он сжёг что-то другое? Или его память сыграла с ним злую шутку? В последнее время он вообще перестал доверять своему рассудку.

Он начал перелистывать страницы, не вникая в текст. Он просто смотрел на структуру, на знакомые главы. «Пролог. Смерть в тишине». «Глава 1. Первая жертва». «Глава 2. Реквием по бабочке». Всё то же самое. Он помнил каждый сюжетный поворот, каждую кровавую сцену, которые выходили из-под его пера, как чёрная желчь. Он захлопнул папку. Его била дрожь. Прошное вцепилось в него своими костлявыми пальцами прямо здесь, на этом пыльном чердаке. Он сунул папку под мышку и почти бегом покинул это мрачное место. Ему нужно было вернуться в квартиру, запереть дверь, налить себе двойную порцию виски и попытаться осмыслить находку. Возможно, это знак? Или наказание?

Вернувшись в квартиру, Виктор первым делом запер дверь на все замки. Ему казалось, что за ним кто-то наблюдает. Глупость, конечно. Он положил папку на кухонный стол и уставился на неё, как на гранату с выдернутой чекой. Обычная чёрная папка, из тех, что продаются в любом канцеляр-

ском магазине. Но внутри неё — концентрированный ужас, который он когда-то породил. Он налил себе виски. На этот раз полный стакан. Выпил залпом, не почувствовав вкуса. Алкоголь обжёг горло, но не принёс успокоения.

Ему нужно было понять, как эта папка оказалась на чердаке. Он начал вспоминать тот день, десять лет назад. Переезд. Спешка. Грузчики таскали коробки. Он был ещё не в себе после сожжения. Может быть, он сам, в полубреду, положил эту папку в коробку с архивами, а сжёг какую-то другую рукопись? Или ту, что была у него в тот момент под рукой? Скорее всего. Память — штука ненадёжная, особенно когда находишься на грани нервного срыва. Он просто забыл.

Забыл...

Он снова открыл папку. Теперь он вчитывался в текст. Первые страницы. Он описывал убийство с хладнокровием патологоанатома и страстью поэта. Слова, которые он написал десять лет назад, теперь казались ему чужими. Неужели он был способен на такое? Описание того, как убийца наносит первый удар ножом, было настолько детальным, что Виктора передёрнуло. Он помнил, как вынашивал эти сцены, как тщательно подбирал каждое слово, чтобы вызвать у читателя не просто страх, а животный ужас. Он хотел, чтобы читатель почувствовал себя на месте жертвы и на месте убийцы одновременно.

Он листал дальше, и его сердце билось всё сильнее. Вот сцена убийства в городском парке. Он описывал её, сидя у

этого самого окна. Убийца, согласно сюжету, заманивал свою жертву, молодую женщину, в заросли сирени и наносил удар ножом в шею. Виктор оторвал взгляд от рукописи и посмотрел в окно. Дождь всё так же хлестал по стеклу. В сюжете тоже шёл дождь. Это совпадение вызвало у него неприятное чувство дежавю.

Внезапно взгляд его упал на смятую газету, которая валялась на подоконнике. Он подписался на местную газету, но редко её читал. Развернув её, Виктор пробежал глазами по заголовкам и замер. На третьей полосе, в разделе криминальной хроники, красовалась небольшая заметка: «Зверское убийство в Приморском парке». Текст гласил: «Вчера поздно вечером в Приморском парке обнаружено тело молодой женщины с многочисленными ножевыми ранениями. Личность погибшей устанавливается. По предварительной версии следствия, убийство носило ритуальный характер. Ведётся расследование».

Виктор перечитал заметку трижды. Приморский парк. Молодая женщина. Ножевые ранения. Это были детали из его рукописи! Из той самой сцены, которую он сейчас перечитывал! Он судорожно начал листать страницы. Где это? Вот. Описание убийства: «Он наносит удар, целясь в шею. Лезвие входит в плоть с мягким, влажным звуком. Кровь бьёт фонтаном, заливая белый воротник её блузки...» В газете не было таких подробностей, но все основные элементы совпадали. Место, тип жертвы, орудие убийства.

Его бросило в жар, затем в холод. Это просто совпадение. Дикое, чудовищное совпадение. Или...

Он вспомнил ещё одну сцену. Убийство в подземном переходе. Он описал его во второй главе. Бомж, забитый до смерти обрезком трубы. Виктор начал лихорадочно перебирать газеты в стопке, которую он накопил за последние недели. Пыль и типографская краска липли к пальцам. Он искал. Сердце колотилось где-то в горле. И вот, в номере за прошлую неделю, он нашёл короткое сообщение в разделе происшествий: «В подземном переходе на проспекте Ветеранов обнаружено тело мужчины без определённого места жительства с признаками насильственной смерти. По данному факту возбуждено уголовное дело». В его рукописи: «Убийца настигает его в подземном переходе, где пахнет мочой и гнилью. Он заносит над головой обрезок ржавой трубы. Удар. Ещё удар. И ещё...»

Совпадение. Второе совпадение за один вечер. Нет, это уже не может быть совпадением. Это... плагиат? Но кто мог украсть его идеи? Кто имел доступ к его рукописи? Он никому её не показывал. Он вообще старался ни с кем не обсуждать этот проект. Единственный, кто знал о нём, был его литературный агент, Аркадий. Но Аркадий не видел рукописи. Он лишь знал, что Виктор работает над чем-то новым. И потом, зачем Аркадию убивать людей? Это абсурд.

Абсурд. Ключевое слово. Вся его жизнь в последнее время — сплошной абсурд. Может, он сходит с ума? Может,

ему это всё мерещится? Может, он сам, в приступе лунатизма или помутнения рассудка, выходит из дома и воплощает в жизнь свои самые тёмные фантазии? Виктор похолодел от этой мысли. Нет. Это бред. Он не убийца. Он просто писатель. Писатель, у которого украли его рукописи. Но как? И кто?

Он вновь уставился на папку. Теперь она казалась ему не просто старой рукописью, а каким-то зловещим артефактом, каналом, связывающим его вымысел с ужасающей реальностью. Он начал перечитывать текст с самого начала, уже не как автор, а как следователь, ищущий зацепки. Каждая сцена, каждая деталь, каждая жертва — всё это теперь могло стать ключом к разгадке. Или к следующему убийству.

Он дошёл до описания третьего убийства в его романе. Это должен был быть старик, продавец антикварной лавки. Его убийца душил шёлковым шнурком. Виктор задержал дыхание. Он вспомнил, как писал эту сцену. Как он, вместе со своим убийцей, наслаждался процессом, как тщательно описывал бьющееся в агонии тело, как хрустят шейные позвонки. Его замутило. И тут его словно ударило током. Он вспомнил. Совсем недавно, кажется, позавчера, он краем глаза видел по телевизору, который работал фоном, сюжет в новостях. Там показывали вывеску антикварного магазина и полицейские ленты. Он тогда не придал этому значения. Но теперь... Да. Это был антикварный магазин! И, кажется, речь шла об убийстве. Об удушении.

Руки Виктора затряслись так, что он едва не выронил папку. Значит, уже три убийства. Три. И все они, одно за другим, повторяют сцены из его несожжённой рукописи. Сомнений больше не было. Это не совпадение. Это не плагиат в привычном смысле. Некто, неизвестный ему, заполучил его рукопись и начал воплощать её в жизнь. Шаг за шагом. Жертва за жертвой.

Он вскочил со стула и начал метаться по кухне, как зверь в клетке. Мысли скакали, сталкивались, разлетались в стороны. Что делать? Пойти в полицию? И что он им скажет? «Здравствуйте, я писатель, и в моём романе, который я считал сожжённым, описаны преступления, которые кто-то теперь совершает в реальности»? Они его высмеют, а то и, чего доброго, отправят в психиатрическую лечебницу. Или, что ещё хуже, сами заподозрят в этих убийствах. Ведь у него есть мотив? А какой? Никакого. Но логика следователя может быть иной. Писатель-неудачник, в творческом кризисе, решил прославиться таким чудовищным способом. Сначала писал, потом начал убивать. Блестящий сюжет для его следующего романа.

Нет, в полицию нельзя. Сначала нужно самому во всём разобраться. Он должен понять, кто этот убийца. Как он получил рукопись? И, самое главное, чем всё это закончится? Ведь у его романа не было финала. Он его не дописал. Или...

Виктор начал судорожно перебирать страницы в самом конце папки. Он помнил, что застрял на последней главе. Он

знал, какой финал задумал, но так и не смог его записать. У него не хватило духу. Потому что финал был чудовищным. Финал, в котором убийца, устав от погони и славы, решает поставить последнюю, самую эффектную точку в своём кровавом представлении. Он убивает единственного свидетеля своих преступлений. Единственного человека, который мог бы его разоблачить. Он убивает автора. Писателя, который создал его на страницах своего романа. Он убивает самого себя, то есть того, чьим воображением был порождён. Это была метафора, мрачная философская аллегория о природе творчества. Но теперь эта метафора могла стать реальностью.

В самом конце папки, после последней дописанной главы, лежало несколько чистых листов. Последняя глава так и не была написана. Но у Виктора остались наброски. Где они? Он начал искать в папке. И нашел. На последнем, частично исписанном листе, он увидел размашисто написанную от руки схему. Кругок, обведённый красным, и стрелки. В кружке было написано: «Автор. Смерть». Рядом стояла дата. Десять лет назад он наметил дату финальной сцены. И эта дата... Она наступала через три дня.

Убийца, следующий его сюжету, приближается к развязке. И развязка эта — его, Виктора Стрельцова, смерть. Его вымышленный персонаж, порождение его тёмной фантазии, должен прийти за ним. Писатель должен был умереть от руки своего творения. От этой мысли Виктору стало так страшно,

как никогда в жизни. Страх был не животным, а каким-то всепоглощающим, леденящим душу ужасом перед неизбежным. Он сам, своими руками, написал сценарий собственного убийства. Десять лет назад. И теперь этот сценарий готовится к постановке.

Он снова подошёл к окну. Дождь продолжал колотить по стеклу. Но теперь в его монотонном ритме ему слышался не метроном, а шаги. Тяжёлые, неумолимые шаги убийцы, который уже знает, где его найти. Который уже начал свою последнюю охоту. И жертвой на этот раз был он.

Виктор сжал в руке папку, как будто это могло его защитить. Он должен что-то сделать. Он должен переписать этот сценарий. Ведь он — автор! В его силах изменить финал. Он должен придумать, как перехитрить убийцу, который следует его же черновикам. Но как перехитрить того, кто знает о тебе всё? Того, кто читал твои мысли, опережая их? Ведь убийца — это он сам. Его тёмная сторона. Его альтер эго, вырвавшееся на свободу из-под его пера.

Впервые за долгие месяцы творческого ступора Виктор почувствовал, как в голове, сквозь пелену страха и отчаяния, начинает пульсировать знакомая, горячая волна вдохновения. Но это было не то вдохновение, которое приносит радость творчества. Это было вдохновение обречённого. Вдохновение смертника, который ищет лазейку в приговоре. Он сел за стол, отодвинул в сторону пустой стакан и положил перед собой папку. Затем открыл ноутбук. Пустой экран боль-

ше не казался ему зловещим. Теперь он был аренной. Поле боя, на котором он должен был сразиться за свою жизнь. Он положил пальцы на клавиатуру и набрал: «Финал. Первый вариант. Как выжить».

Убийца следовал его рукописи. Но теперь он напишет новый финал. Финал, в котором выживет не убийца. И не его жертва, послушная сюжету. Выживет он. Автор. Потому что у него есть одно неоспоримое преимущество. Он знает не только то, что уже написано. Он знает то, что не было написано никогда. Он знает свой собственный тайный страх. И он знает, куда бить, чтобы уничтожить порождённое им же чудовище. Он начал печатать. Стук клавиш слился со стуком дождя за окном. Игра началась.

Глава 2. Голос из черновика

Виктор так и не сомкнул глаз до рассвета. Серый, водянистый свет постепенно просачивался в окно, растворяя ночные тени, но не принося облегчения. Он сидел за столом, сгорбившись над клавиатурой, а вокруг него, точно на поле боя, валялись вороха исписанных, пожелтевших от времени страниц. Несколько раз он начинал печатать, но каждый раз останавливался, стирал написанное и вновь погружался в чтение. Слова собственного романа, некогда казавшиеся вершиной его литературного мастерства, теперь выглядели приговором, написанным его же почерком. Приговором, который он сам вынес себе десять лет назад.

Он встал из-за стола, чувствуя, как ломит спину, а шея затекла так, словно он таскал мешки с песком. Подошёл к окну и выглянул на улицу. Дождь прекратился, оставив после себя лужи, в которых, как в чёрных зеркалах, отражалось свинцовое небо. Двор был по-прежнему пуст, но теперь эта пустота казалась не успокаивающей, а зловещей. Каждая тень в углу двора могла скрывать наблюдателя. Каждое тёмное окно напротив могло быть глазницей, направленной на него. Виктор одёрнул себя. Паранойя — верный спутник усталости и страха. Но именно теперь ему нужна была ясность ума, а не липкий, лишаящий воли ужас.

Вернувшись к столу, он попытался рассуждать трезво.

Итак, убийца следует его рукописи. Убийца знает сюжет до мельчайших деталей, включая те, которые Виктор не публиковал и, как ему казалось, никому не показывал. Из этого следует, что у убийцы есть доступ либо к самой рукописи, либо к полному её содержанию. Кто мог видеть эти страницы? Виктор лихорадочно перебирал в памяти события десятилетней давности. Он работал над романом в полной изоляции. Съёмная квартира на Васильевском острове, занавешенные окна, телефон, отключённый от сети, полное погружение в мрачный мир собственного воображения. Из близких людей, кто навещал его в тот период, был только Аркадий. Его литературный агент.

Аркадий Борисович Штерн был человеком циничным, но преданным своему делу. Виктор познакомился с ним ещё в начале своей карьеры, когда Штерн выловил его первую рукопись из кучи самотека в издательстве. Именно Аркадий верил в него, когда Виктор сам в себя не верил. Он был не просто агентом, но и советчиком, а порой и нянькой. Он звонил, приезжал, вытаскивал Виктора из запоев, заставлял писать, устраивал встречи с издателями. Но видел ли он рукопись? Виктор напряг память. Смутный образ, как в тумане: Аркадий, сидящий на продавленном диване в той квартире, листает первые главы, хмурится, что-то говорит о том, что «это чересчур даже для тебя». Что было дальше? Виктор не помнил. словно плёнка в этом месте оборвалась. Возможно, он вырвал тогда рукопись из рук агента? Или, наоборот,

просил прочитать до конца? Память, словно предательница, отказывалась выдавать подробности.

Нужно было позвонить Аркадию. Прямо сейчас. И не просто позвонить, а встретиться. Возможно, он вспомнит что-то важное. Виктор вытащил из кармана куртки мобильный телефон. Экран был заляпан, а зарядка почти на исходе. Он нашёл в списке контактов номер Штерна и нажал кнопку вызова. Гудки звучали долго, и каждый из них отдавался в висках пульсирующей болью. Наконец, щёлчок, и знакомый голос, хрипловатый после многих лет курения, раздался на том конце.

— Виктор? Ты? — в голосе агента слышалось неподдельное удивление. — Сколько мы не разговаривали? Месяца три? Я уж думал, ты окончательно одичал в своей добровольной ссылке.

— Аркадий, — перебил его Виктор, стараясь говорить спокойно, хотя сердце билось где-то в горле. — Нам нужно встретиться. Срочно.

— Что-то случилось? — в голосе Штерна появились нотки тревоги, но также и профессионального любопытства. — У тебя новый роман? Ты наконец написал хоть что-то?

— Можно сказать и так. Только это не совсем то, что ты думаешь. Мне нужно поговорить с тобой лично. Это касается старой рукописи.

— Старой? Какой? — не понял Аркадий.

— Той самой. Которую я должен был сжечь десять лет на-

зад.

В трубке повисла долгая, тягучая пауза. Виктор слышал, как на том конце провода Штерн затянулся сигаретой, а затем медленно выдохнул дым.

— Ты хочешь сказать... «Сценарий для убийцы»? — произнёс агент, понизив голос почти до шёпота.

— Да. Именно он. Откуда ты знаешь название? — спросил Виктор, хотя уже понял, что вопрос звучит глупо.

— Я много чего знаю, Витя, — голос Аркадия стал жёстче. — Ты тогда показывал мне начало. Или ты забыл? Ты был в невменяемом состоянии, но я-то помню. Я читал первые главы. Это было... сильно. Слишком сильно. Я говорил тебе, что так нельзя. Что это опасно. Но ты не слушал. Ты всегда не слушал, когда речь заходила о твоей гениальности.

— Я всё забыл, — признался Виктор. — Этот период как в тумане. Скажи, ты видел рукопись целиком?

— Нет, только то, что ты дал мне в тот раз. Страниц тридцать, может, сорок. Я тогда сказал, что это будет бомба, но взорвёт она тебя самого. Ты психанул, выгнал меня. А через неделю позвонил и сказал, что всё сжёг. Я поверил. И, честно говоря, обрадовался. Такие вещи не должны появляться на свет. Твой Громов — это одно, а там был... прямо-таки учебник для маньяка.

— Аркадий, я нашёл её. Рукопись цела. И, похоже, не только я её читаю.

Снова пауза. На этот раз более долгая и напряжённая.

Виктор слышал, как Штерн затушил сигарету, как скрипнуло его кожаное кресло.

— Ты хочешь сказать, что кто-то... — начал агент, но Виктор перебил его.

— Я хочу сказать, что все убийства, которые происходят в городе в последние недели, описаны в моей рукописи. В той самой, которую я не мог видеть десять лет.

— Это паранойя, Витя. Ты пил? Сколько ты пил? — в голосе Аркадия прозвучало беспокойство, но не столько о самом Викторе, сколько о его рассудке.

— Я не псих, — отрезал Виктор. — Я перечитал. Всё сходится. Место, жертвы, способ убийства. Мой сюжет ожил. Кто-то воплощает его в жизнь.

— Тогда тебе надо идти в полицию. Немедленно.

— И что я им скажу? Что я написал сценарий этих убийств? Меня самого посадят в камеру до выяснения обстоятельств. Или, что вероятнее, упекут в психушку. Нет, сначала я должен понять, кто за этим стоит. И как он получил рукопись. Поэтому я прошу тебя о встрече. Ты — единственный, кто знал о её существовании.

— Витя, послушай меня внимательно, — голос Штерна стал серьёзным. — Я твой агент уже пятнадцать лет. Я знаю тебя как облупленного. Ты мастер нагнетать, придумывать, фантазировать. Но сейчас ты говоришь о реальных убийствах. Если это правда, то дело пахнет жареным. Я не хочу в этом участвовать. Я не хочу знать подробности. И тебе не

советую в этом копаться. Уезжай из города. Спрячься. Если убийца следует твоему сценарию, то финал должен быть... каким?

— Финал предполагает смерть автора, — сказал Виктор, и от этих слов по спине пробежал холодок.

— Вот видишь! — воскликнул агент. — Уезжай! Сегодня же! Или, ещё лучше, пойдёшь в полицию, скажи, что тебе угрожают, что за тобой следят. Пусть они возьмут тебя под охрану.

— Ты не понимаешь! — Виктор повысил голос. — Я не могу бежать. Я должен написать новый финал. Финал, в котором я выживу. В этом моё единственное спасение. Но мне нужно знать, кто читал рукопись. Ты или кто-то ещё. Возможно, у тебя остались копии?

— Я ничего не копировал, — отрезал Штерн. — Я же сказал, ты сам сунул мне эти листы в руки, а потом забрал их. После того как ты сказал, что сжёг всё, я не делал никаких копий. Я вообще старался забыть о существовании этого проекта. Мне своего здоровья жаль.

— Тогда как он мог попасть к убийце?

— Может, ты сам его вдохновлял? — предположил Штерн с горькой усмешкой. — Ты же у нас писатель. Может, в полубреду, в сомнамбулическом состоянии, как ты любишь описывать, выходил и читал кому-то свои черновики? Или размещал их в сети? Ты в последние годы был сам не свой.

Виктор задумался. Мог ли он сам, в состоянии опьянения

или глубокого душевного расстройствa, выдать кому-то свой замысел? Он не помнил. Но память — вещь коварная. Она может прятать то, что слишком ужасно, чтобы помнить. А может, и не выдавать. Может, убийца нашёл рукопись сам? Но как? Она лежала на чердаке в заклеенной коробке. Виктор сам только что её нашёл. Хотя... кто знает, сколько раз он в беспамятстве поднимался на этот чердак? Сколько раз он сам трогал эти страницы, не отдавая себе отчёта?

— Я должен сам разобраться, — наконец произнёс Виктор. — Но мне нужна твоя помощь. Мне нужно вспомнить всё, что происходило в тот период. Каждая деталь может быть важна. Встретимся. Пожалуйста.

— Хорошо, — согласился Штерн после долгой паузы. — Но не в городе. Слишком много ушей. Встретимся в «Дубовой роще», за городом. Знаешь этот трактир? Я там часто бываю. Сегодня в шесть вечера. И, Витя, будь осторожен. Если ты прав, то опасность не только для тебя.

— Договорились, — сказал Виктор и отключился.

Разговор с агентом не принёс облегчения, скорее наоборот, добавил мутной, липкой тревоги. Аркадий не признался в том, что видел рукопись целиком, но его слова «такие вещи не должны появляться на свет» и «учебник для маньяка» говорили о том, что он прочитал достаточно, чтобы оценить её разрушительный потенциал. Возможно, он лгал. Возможно, у него остались копии. Или, что ещё страшнее, он кому-то пересказал содержание. Штерн был человеком светским, с

обширными связями. Он мог в пьяной беседе с кем-то из друзей пересказать сюжет, который так его поразил. И кто-то, с больной психикой, услышав этот сюжет, мог взять его за основу для собственных преступлений.

Виктор отогнал эту мысль. Нельзя было сейчас подозревать всех подряд. Иначе паранойя поглотит его с потрохами. Нужно было занять себя чем-то конструктивным. Он снова сел за стол и открыл рукопись. Теперь он читал её не просто как следователь, ищущий улики, а как автор, который пытается найти лазейку, слабое место в собственном сюжете. Если он придумает такой ход, который не был прописан в оригинале, он сможет обмануть убийцу. Ведь убийца следует букве текста. Если он изменит текст, то изменится и поведение убийцы? Но так ли это? Вдруг убийца импровизирует? Вдруг он не просто слепо копирует, а развивает сюжет, внося в него свои коррективы?

Эта мысль была невыносима. Виктор вскочил со стула и прошёлся по комнате. Он взглянул на своё отражение в тёмном стекле серванта. Искажённое, бледное лицо, тени под глазами, всклокоченные волосы. Он сам был похож на безумца, на персонажа, сошедшего со страниц своего собственного романа. И это сходство ему не понравилось. Оно было почти символическим. Автор и его творение — две стороны одной монеты. Но кто из них кто?

Чтобы хоть как-то привести мысли в порядок, Виктор решил принять душ. Холодная вода должна была взбодрить

его, смыть липкий страх и усталость. Он зашёл в ванную, включил воду и, сняв пропахшую потом одежду, встал под ледяные струи. Тело пронзило тысячей игл, но это было даже приятно. Это возвращало в реальность. Пока он стоял под душем, в голове крутились обрывки сцен из рукописи. Особенно ярко вставала перед глазами сцена убийства в подземном переходе. Он описывал её с таким вкусом, что теперь, вспоминая, почувствовал приступ тошноты. Он закрыл воду и вылез, обернувшись полотенцем. Зеркало в ванной запотело, и Виктор не сразу заметил, что на нём что-то написано. Когда пар немного рассеялся, он увидел на поверхности стекла, прямо напротив своего лица, чёткие слова, выведенные пальцем по запотевшему стеклу: «Ты не один».

Виктор замер, сердце пропустило удар. Он тупо смотрел на эту надпись, не в силах отвести взгляд. Буквы были неровными, торопливыми, словно тот, кто их писал, спешил. Или, наоборот, растягивал удовольствие. «Ты не один». Что это значит? Кто это написал? Когда? Он был в ванной один. Замок на двери квартиры был заперт. Но кто-то проник в дом, пока он говорил по телефону или принимал душ? Или надпись была здесь уже давно? Нет, он принимал душ вчера вечером, и зеркало было чистым. Или он не обратил внимания? Пар осел на стекле, и надпись проявилась. Это могло быть сделано только что. Только если кто-то был в ванной одновременно с ним. Но это невозможно.

Дрожащей рукой Виктор провёл по надписи ладонью.

Слово «не» размазалось, оставив мокрый след. Значит, это не было чем-то, что проступило сквозь пар от старого жирного пятна. Кто-то действительно написал это пальцем. Пальцем, который был здесь. В его ванной. Совсем недавно. Параноя, которую он пытался подавить, вспыхнула с новой силой, превратившись в дикий, всепоглощающий ужас. Он кинулся проверять квартиру. Сердце колотилось как сумасшедшее, в висках стучало. Он хватал дверные ручки, распахивал шкафы, заглядывал под кровать, сдёргивал шторы. Никого. Квартира была пуста. Но ощущение чужого присутствия, чужого взгляда, не покидало его.

Он вернулся в комнату и остановился у стола. Взгляд упал на рукопись. Она лежала не так, как он её оставил. Кажется, он оставил её открытой на сцене убийства в парке. Теперь же она была перевёрнута, и на титульном листе, прямо под названием «Сценарий для убийцы», жирным красным маркером была выведена короткая фраза: «Игра началась. Следующий ход — твой».

Виктор попятился назад, пока не упёрся спиной в холодную стену. Ноги подкосились, и он медленно сполз вниз, обхватив голову руками. Это был не сон. Это была не галлюцинация. Убийца был здесь. В его квартире. Он не просто читал рукопись. Он следил за самим Виктором. Он знал, что Виктор нашёл её. Он знал, что Виктор звонил агенту. Он знал всё. И он не боялся. Он приглашал Виктора в игру.

Сколько он так просидел, Виктор не помнил. Минуты или

часы слились в один бесконечный поток ужаса. Наконец, холод, идущий от пола, и онемение в ногах заставили его пошевелиться. Он с трудом поднялся и, пошатываясь, подошёл к столу. Руки дрожали так, что он едва мог удержать телефон. Он снова набрал номер Штерна. Гудки. Один, второй, третий. На этот раз агент ответил быстрее.

— Алло? Витя? — голос его был встревожен.

— Аркадий, — с трудом выдавил Виктор, — он был здесь.

— Кто? — не понял Штерн.

— Убийца. Он был в моей квартире. Пока я разговаривал с тобой. Или сразу после. Он оставил надпись на зеркале и... и метку на рукописи. Он знает, что я её нашёл. Он знает, что я здесь.

— Ты уверен? — в голосе Штерна слышалось сомнение, смешанное со страхом. — Может, ты просто не заметил, когда...

— Аркадий, я не сплю! — закричал Виктор. — Он был здесь! Понимаешь? Он знает мой адрес! Он знает, что я затеял! Он приглашает меня в игру! Ты мне веришь?

— Верю, — после паузы тихо ответил агент. — Витя, уходи оттуда. Немедленно. Не бери ничего. Просто беги. Встретимся в условленном месте. И... будь предельно осторожен. Если он следил за тобой, то может идти по пятам.

— Я попробую, — пробормотал Виктор.

Он отключил телефон и оглядел комнату. Она больше не казалась ему убежищем. Теперь это была ловушка. Каждая

вещь здесь была пропитана чужим присутствием. Каждая тень казалась живой. Ему нужно было убираться. Но перед этим он должен был взять с собой самое ценное — рукопись. Она была его единственным оружием и единственной картой местности, по которой он должен был пройти. Он быстро схватил папку, запихнул её в старый портфель, который стоял у двери, накинул куртку и, не оглядываясь, выскочил из квартиры.

Лестница встретила его могильным холодом. Он сбежал по ступеням, чувствуя, как подошвы скользят по пыльному бетону. Сердце билось где-то в глотке. Ему всё время казалось, что за спиной раздаются шаги. Что кто-то дышит в затылок. Он остановился на площадке второго этажа, чтобы перевести дух, и оглянулся. Никого. Тишина. Только где-то далеко, на верхнем этаже, хлопнула дверь. Или показалось? Он рванул к выходу, толкнул тяжёлую подъездную дверь и выскочил на улицу.

Свежий, влажный воздух обжёг лёгкие. Тусклый свет серого дня резанул по глазам. Виктор остановился, пытаясь отдышаться. Двор был пуст. Он поднял воротник куртки и быстрым шагом направился к арке, ведущей на проспект. Ему нужно было затеряться в толпе, стать незаметным. Но в этом городе, где он прожил столько лет, он чувствовал себя чужим и незащищённым. Он шёл, не оборачиваясь, но каждую секунду ощущал, как взгляд убийцы, словно невидимый луч, буравит его затылок. Он нырнул в ближайшую подворотню,

пересёк проходной двор и вышел на людную улицу. Здесь было спокойнее. Среди спешащих по своим делам прохожих, среди шума машин и обрывков разговоров он почувствовал себя немного безопаснее. Иллюзия толпы как щита. Но он знал, что это лишь иллюзия. Убийца, если он следует его сценарию, не боится толпы. Он умеет ждать.

Виктор сел в первый попавшийся автобус, не разбирая номера маршрута. Ему просто нужно было уехать как можно дальше от своего дома. Автобус, нутужно вздыхая, тронулся с места. Виктор устроился на заднем сиденье, прижав к груди портфель с рукописью. Он смотрел в окно, но не видел проплывающих мимо зданий. Перед его глазами всё ещё стояла надпись на зеркале: «Ты не один». И чёрный портфель, в котором лежала его рукопись, теперь казался ящиком Пандоры, из которого в любой момент могли вырваться все кошмары его прошлого. Но он знал, что ему нужно открыть его. Открыть и снова прочитать. Потому что только там, среди этих пропитанных ужасом страниц, он мог найти ответ. Или написать новый.

Он не знал, сколько времени прошло. Очнулся он от того, что автобус подпрыгнул на выбоине, и портфель выскользнул из его рук. Он наклонился, чтобы поднять его, и в этот момент его взгляд упал на газету, которую читал сидящий впереди мужчина. Заголовок на развороте был набран крупным шрифтом: «Новое убийство в Парке Победы. Маньяк оставил послание». Виктор почувствовал, как кровь отлила

от лица. Парк Победы? Он не помнил такой сцены в своей рукописи. Или помнил? Он начал судорожно перебирать страницы, пока не нашёл раздел «Четвёртая жертва». Там описывалось убийство в Приморском парке Победы. Он про него забыл. Значит, убийца уже перешёл к четвёртой сцене. А впереди, согласно сюжету, оставалась только пятая. Последняя. Сцена, в которой должен был умереть он сам.

Виктор закрыл глаза и попытался сосредоточиться на дыхании. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Нужно было успокоиться. Иначе он не сможет думать. А думать ему сейчас было жизненно необходимо. Он открыл глаза и посмотрел на мужчину с газетой. Тот, не подозревая о разыгравшейся за его спиной драме, спокойно переворачивал страницы, шевеля губами, вчитываясь в криминальную хронику. Обычный обыватель, для которого все эти убийства — лишь пугающий фон, не более. Он не знает, что сидит перед человеком, который написал сценарий этого кошмара. И не знает, что сам может оказаться на одной из следующих страниц.

Автобус резко затормозил, и Виктор, ухватившись за спинку сиденья, решил выйти. Ему нужен был воздух. Он покинул салон и оказался на набережной. Река дышала холодом и сыростью. Серые воды Невы равнодушно катили свои волны, отражая свинцовое небо. Виктор подошёл к парапету и облокотился на холодный гранит. В голове был полный сумбур. Рукопись, убийца, надпись на зеркале, звонок агенту, встреча в «Дубовой роще». Ему нужно было многое об-

думать. Но главное — он должен был решить, кому он может доверять. Аркадию? Возможно. А возможно, и нет. В его положении доверие было непозволительной роскошью.

Он вытащил из портфеля папку. На душе было тяжело, но он обязан был сделать это. Он открыл её на том месте, где лежала красная надпись. Теперь, при дневном свете, она выглядела ещё более зловеще. Крупные, неровные буквы, вдавленные в бумагу с такой силой, что чернила пропитали несколько страниц. «Игра началась. Следующий ход — твой». Убийца не просто угрожал. Он бросал вызов. Он хотел, чтобы Виктор включился в игру. Но по каким правилам? По правилам его собственного романа, которые он сам и придумал. В этом была страшная ирония. Он сам установил эти правила. Теперь ему предстояло их нарушить.

Виктор захлопнул папку и засунул её обратно в портфель. Он не мог здесь читать. Слишком много глаз. Слишком много возможных свидетелей. Или сообщников. Он посмотрел на часы. До встречи с Аркадием оставалось ещё несколько часов. Ему нужно было где-то скоротать время. Может, пойти в библиотеку? Или в тихое кафе, где он смог бы спокойно сесть за стол, открыть рукопись и составить план. План, который спасёт ему жизнь. Он оторвался от парапета и зашагал в сторону Невского проспекта. Там, в лабиринте каналов и старых дворов, можно было найти укромное место.

Он выбрал небольшую кофейню в подвальчике на набережной канала Грибоедова. Здесь пахло корицей и свеже-

молотым кофе, играла тихая музыка, и было почти безлюдно. Виктор занял столик в самом дальнем углу, откуда хорошо просматривался вход, и заказал двойной эспрессо. Когда официантка принесла ему чашку и отошла, он снова вытащил рукопись. Теперь, когда он был вдали от своего дома, от этой проклятой квартиры с её зеркалами и надписями, он почувствовал себя немного спокойнее. Это было иллюзорное спокойствие, но оно позволяло мыслить.

Он начал листать рукопись, на этот раз с карандашом в руках. Он вычленял детали, которые могли быть ключевыми. В прологе описывалась некая мистическая связь между автором и его персонажем. Убийца в романе был не просто человеком. Он был идеей, вышедшей из-под контроля. Он был порождением мрачного сознания автора, его тенью, обретшей плоть. Виктор писал это как аллгорию, как философский приём. Но теперь ему казалось, что он неосознанно описал механизм, который начал работать в реальности. Его тень действительно обрела плоть. И теперь она охотилась на него.

В четвёртой главе, которую убийца, судя по всему, уже воспроизвёл, описывалась сцена, где убийца, перед нанесением смертельного удара, шепчет жертве на ухо некую фразу. Виктор не помнил её, пока не перечитал. Это была строка из стихотворения, которое он любил в юности. «И смерть войдёт в твой дом, как старый друг». Мурашки пробежали по спине. Значит, убийца использовал эту фразу? И газета

написала о «послании». Возможно, именно об этом. Убийца не просто копировал сцены. Он следовал им до мельчайших деталей. Вплоть до слов, которые произносил убийца.

Виктор перечитал сцену снова. В ней был ещё один нюанс. Убийца, согласно тексту, оставлял на теле жертвы какой-то знак. Нет, не физический, а символический. Он вкладывал в карман жертвы лист бумаги с нарисованным от руки символом. Каким? Виктор вчитался в описание. «Символ был похож на спираль, скрученную в обратную сторону, с точкой в центре. Знак бесконечности, замкнутой на себя». Виктор не помнил, чтобы сам придумывал этот знак. Но он был здесь. В его рукописи. Написанный его рукой. Значит, убийца оставил такой знак? Или эта деталь была упущена? Неизвестно. Но если убийца был так педантичен, то, возможно, следователи уже ищут человека, который оставляет такие знаки. И этот человек — он.

Эта мысль была ужасна. Он не убивал. Но все улики могли указывать на него. Его рукопись — это прямая улика. Если её найдут у него, ему не поздоровится. Но как объяснить её происхождение? Как доказать, что он не убийца, а лишь автор, чьи фантазии кто-то решил воплотить в жизнь? Это невозможно. Особенно если учесть, что он сам не помнит некоторых периодов своей жизни. Он сам сомневается в собственной невиновности. Может, это он? Может, его раздвоение личности зашло так далеко, что он сам совершает убийства, а потом не помнит об этом? Виктор похолодел. Это бы-

ла самая страшная версия. Версия, в которой он сам является монстром.

Он посмотрел на свои руки. Обычные руки писателя. Пальцы с тонкими, чувствительными подушечками, слегка пожелтевшие от никотина. Мог ли он этими руками лишить жизни человека? В его романах убийцы часто были обычными, незаметными людьми. Серийные убийцы, которые живут среди нас, ходят на работу, улыбаются соседям. Может, он сам стал таким? Нет, это невозможно. Или возможно?

Виктор почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он отодвинул чашку с недопитым кофе. Руки его тряслись. Ему нужно было взять себя в руки. Если он сам сойдёт с ума от этих мыслей, убийца победит без единого удара. Он должен верить в свою невиновность. Должен. Иначе всё, за что он боролся, потеряет смысл.

Он снова начал листать рукопись, ища зацепки, которые могли бы указать на личность убийцы. Кто мог читать его черновики? Кто имел к ним доступ? Он вернулся к разговору с Аркадием. Агент упомянул, что видел только начало. Но что, если это не так? Что, если он видел больше? Или, что более вероятно, снял копии, пока Виктор находился в беспамятстве? Аркадий был человеком прагматичным. Он знал цену таким рукописям. Он мог сохранить копию для себя, на случай, если Виктор не сможет дописать роман. А потом, в силу каких-то обстоятельств, эта копия могла уйти на сторону. Или кто-то мог её выкрасть. Но кто? Убийца?

Это слишком сложная цепочка.

Другая версия: Виктор сам, в состоянии сомнамбулизма, отдал рукопись кому-то. Но кому? Он ни с кем не общался в тот период. Кроме Аркадия. Значит, единственным человеком, который знал о рукописи, был его агент. И единственным, кто мог её скопировать, был тоже он. Но мотив? Зачем Аркадию убивать людей? Он не маньяк. Он циник, который ради денег мог пойти на многое. Но не на убийство.

Внезапно в памяти всплыло одно имя. Марина. Его бывшая жена. Они развелись как раз десять лет назад, незадолго до того, как он начал писать «Сценарий». Она ушла от него, забрав с собой все фотографии, все совместные воспоминания и, кажется, часть его самого. Он был так сломлен этим разводом, что погрузился в пучину творчества, из которой вынырнул уже с этой рукописью. Могла ли Марина видеть рукопись? Вряд ли. Они разорвали все связи. Она не приезжала, не звонила. Но она знала о его творческих планах. Она знала, что он задумал написать «нечто, что шокирует всех». Могла ли она выкрасть рукопись? Из мести? Зачем? Она его ненавидела, но не до такой степени, чтобы стать серийной убийцей. Это было нереально.

Он отбросил и эту версию. Усталость брала своё. Мозг отказывался работать в таком напряжении. Виктор заказал ещё один кофе, на этот раз с коньяком. Ему нужно было немного расслабиться, чтобы мысли потекли в нужном направлении. Когда он пил, взгляд его упал на экран мобильного телефо-

на. Пришло сообщение. От неизвестного номера. Он открыл его. В сообщении была всего одна строка: «Ты уже прочитал четвёртую главу? Надеюсь, тебе понравилось. Пятая будет ещё интереснее. Ты главный герой. Не опаздывай на собственную премьеру».

Виктор сжал телефон так, что корпус хрустнул. Значит, убийца знает его номер. Значит, он следит за ним. Значит, он знает, что Виктор сейчас читает рукопись. Он всё знает. Страх вернулся, но теперь он был другим. Холодным, расчётливым. Это был страх перед неизбежным. Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Игра началась. И следующий ход действительно был за ним. Но какой ход он может сделать, если противник знает все его слабые места? Если противник — это он сам?

Он допил кофе с коньяком, расплатился и вышел из кафе. На улице снова начал моросить дождь. Серый, противный, как сама смерть. Виктор поднял воротник и зашагал в сторону станции метро. Ему нужно было ехать за город. На встречу с Аркадием. Он не знал, что скажет ему. Он не знал, кому можно доверять. Но он знал одно: он не должен останавливаться. Движение — это жизнь. Остановка — смерть. И он, как и его герои, не хотел умирать. Пока не хотел. Он ещё не дописал свою историю. И он обязательно перепишет её финал. Даже если для этого ему придётся сразиться с собственным отражением.

Глава 3. Чужие тени в «Дубовой роще»

Электричка уносила Виктора прочь из города, рассекая серую пелену мелкого, въедливого дождя. Вагон был почти пуст. Лишь в дальнем его конце, у окна, примостилась пожилая женщина с потрёпанной хозяйственной сумкой, да через несколько рядов от Виктора сидел молодой человек в наушниках, беззвучно покачивая головой в такт неслышимой музыке. За окнами проплывали унылые промышленные пейзажи: ржавые гаражи, бетонные заборы, чахлые перелески, тонущие в промозглой мгле. Виктор прижимал к груди портфель с рукописью, чувствуя его тяжесть не только физическую, но и какую-то зловещую, потустороннюю. Словно внутри портфеля лежал не бумажный манускрипт, а кусок окаменевшей тьмы, готовый в любой момент раскрыться и поглотить его.

Он старался не думать о сообщении, полученном в кафе, но строчка «Ты главный герой. Не опаздывай на собственную премьеру» навязчиво пульсировала в мозгу, отдаваясь в висках тупой, ноющей болью. Кто этот человек? Как он узнал его номер? Как он узнал, что Виктор сейчас читает четвёртую главу? Ответов не было. Были лишь догадки, одна страшнее другой. Виктор снова и снова прокручивал в го-

лове события последних двух дней, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, хоть какую-то ниточку, ведущую к разгадке. Но всё было тщетно. Вся его жизнь вдруг превратилась в запутанный лабиринт, стены которого были сложены из его собственных слов, а в тупиках поджидали не просто опасности, а порождения его собственного воображения.

Он закрыл глаза, и перед мысленным взором возникла сцена из рукописи. Четвёртая глава, убийство в Приморском парке Победы. Он описывал его с особой жестокостью. Убийца, в его романе, выслеживал свою жертву — женщину средних лет, библиотекаря, одинокую и замкнутую — в течение нескольких дней. Он поджидал её после работы, шёл за ней по пустынным аллеям, наслаждаясь её страхом, её беспомощностью. А затем, в самом тёмном углу парка, под старым раскидистым дубом, наносил смертельный удар. Виктор помнил, как писал эту сцену. Он сидел за столом в своей съёмной квартире, и руки его дрожали от возбуждения. Он сам становился этим убийцей, он чувствовал его азарт, его холодную ярость, его извращённое наслаждение. Это было чудовищно, но тогда он не мог остановиться. Он был одержим.

Теперь же, когда эти сцены ожили в реальности, они вызвали лишь тошноту и леденящий ужас. Убийца, следуя его тексту, воспроизвёл не только само преступление, но и его атмосферу. Газета писала о «послании». Возможно, о той самой строке, которую Виктор вложил в уста убийцы: «И

смерть войдёт в твой дом, как старый друг». От этой мысли его передёрнуло. Его собственные слова стали предсмертным шёпотом для реальной женщины. Осознание этого обрушилось на него с новой силой, и он едва не застонал, прижав ладонь ко рту.

— Вам плохо? — раздался рядом негромкий голос.

Виктор вздрогнул и открыл глаза. Рядом с ним стоял тот самый молодой человек в наушниках, который сидел через несколько рядов. Теперь он смотрел на Виктора с тревогой и любопытством. У него было бледное, невыразительное лицо, светлые волосы, падающие на глаза, и тонкие губы, изогнутые в лёгкой полуулыбке. В руке он держал снятые наушники.

— Нет, спасибо, — ответил Виктор, стараясь говорить спокойно. — Просто немного укачало.

— Понимаю, — кивнул молодой человек, но не ушёл. — Эти старые электрички всегда так трясёт. Вам, наверное, далеко ехать?

— Нет, не очень, — сухо ответил Виктор, отворачиваясь к окну.

Но парень не отставал. Он присел на сиденье напротив, положив наушники на колени. В его взгляде было что-то цепкое, изучающее, что не понравилось Виктору.

— Странное место вы выбрали для поездки в такую погоду, — продолжал он. — За город, в дождь, почти пустой вагон. Прямо сцена из детектива.

— Я не выбирал, — буркнул Виктор. — У меня дела.

— А, дела, — протянул парень, и его полуулыбка стала шире. — У всех дела. Кто-то едет на дачу, кто-то к родственникам. А вы, наверное, писатель? У вас вид такой... задумчивый. И портфель, как у героев классических романов.

Виктор почувствовал, как внутри поднимается волна раздражения и тревоги. Этот случайный попутчик казался ему подозрительным. Слишком навязчивым, слишком внимательным. Может, это и есть убийца? Может, он следует за ним? Виктор постарался взять себя в руки. Нельзя было показывать свой страх.

— Нет, я не писатель, — сказал он резче, чем хотел. — Я инженер. И мне нужно поработать.

— Извините, — парень примирительно поднял руки. — Я не хотел вас задеть. Просто в таком пустом вагоне нечасто встретишь интересного собеседника. Меня зовут Олег, кстати. Я звукорежиссёр. Еду в деревню, к бабушке. Она у меня старенькая, надо помочь по хозяйству.

— Похвально, — процедил Виктор, чувствуя, как напрягаются плечи.

Олег замолчал, но не ушёл. Он сидел и смотрел в окно, тихо насвистывая какой-то навязчивый мотив. Виктор искоса наблюдал за ним. В этом парне было что-то неестественное. Его спокойствие казалось наигранным, а взгляд — слишком внимательным для простого попутчика. Но, возможно, это лишь игра его воспалённого воображения. После всего, что

произошло, он готов был подозревать каждого встречного.

На следующей остановке Олег поднялся. Он неспешно натянул на голову капюшон серой толстовки, накинул на плечо рюкзак и, проходя мимо Виктора, на мгновение остановился.

— Не доверяйте тишине, — произнёс он тихо, почти шёпотом, и в его глазах блеснул недобрый огонёк. — Она умеет прятать чудовищ.

С этими словами он вышел из вагона, оставив Виктора в полном оцепенении. Двери с шипением закрылись, и электричка медленно тронулась. Виктор обернулся и через мокрое стекло увидел, как Олег стоит на пустой платформе и смотрит ему вслед. Его фигура, закутанная в серое, медленно таяла в дождливой дымке, но Виктор готов был поклясться, что на его лице всё ещё играла та же странная полуулыбка.

— Бред, — прошептал Виктор, откидываясь на спинку сиденья. — Просто бред.

Но сердце колотилось как бешеное. Слова незнакомца отдавались в ушах, как приговор. «Не доверяйте тишине. Она умеет прятать чудовищ». Откуда он знал? Совпадение? Или это был не случайный попутчик, а наблюдатель, посланный убийцей? Или сам убийца? Виктор постарался отбросить эти мысли. Ему нужно было сосредоточиться на предстоящей встрече. На Аркадии.

Встреча была назначена в трактире «Дубовая роща». Это было старинное заведение, расположенное на окраине дач-

ного посёлка, в стороне от шумных трасс. Аркадий выбрал его не случайно: он ценил тишину, уединение и хорошую кухню. Кроме того, там было много потайных уголков, где можно было спокойно поговорить, не опасаясь лишних ушей. Виктор бывал здесь однажды, много лет назад, на праздновании своего сорокалетия. Тогда «Дубовая роща» показалась ему мрачноватым, но уютным местом с охотничьим интерьером: тёмное дерево, олени рога на стенах, камин с потрескивающими дровами. Теперь же, в свете последних событий, это место виделось ему идеальной декорацией для финальной сцены его романа.

Электричка наконец прибыла на нужную станцию. Виктор вышел на платформу, поднял воротник куртки и зашагал по размокшей гравийной дорожке в сторону посёлка. Дождь усилился, превращаясь в настоящий ливень. Крупные капли барабанили по капюшону, стекали за шиворот, застилали глаза. Виктор шёл быстро, почти бегом, стараясь не поскользнуться на мокрой глине. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались пустые дачные участки, окружённые покосившимися заборами. Голые деревья, похожие на скелеты, тянули к небу свои чёрные ветви. Тишина здесь стояла такая, что в ушах звенело. Лишь шум дождя и чавканье грязи под ногами нарушали мёртвое безмолвие.

Наконец, впереди показали очертания двухэтажного здания с островерхой крышей. Это и была «Дубовая роща». Трактир выглядел так, словно сошёл со страниц готическо-

го романа: потемневшие от времени брёвна, маленькие окна с деревянными ставнями, массивная дверь, обитая коваными полосами. Над входом, раскачиваясь на ветру, висела вывеска с облупившейся позолотой. Виктор толкнул тяжёлую дверь и вошёл внутрь.

Его встретил тёплый, пропитанный запахом дерева и дыма воздух. Внутри было почти пусто. За барной стойкой скукал пожилой бармен с седыми усами, протирая пивной бокал. В углу, у камина, в котором лениво потрескивали дрова, сидела пара средних лет, тихо беседуя. Аркадий сидел за дальним столиком, у окна, выходящего в заросший сад. Он был одет в дорогое кашемировое пальто, которое он небрежно набросил на спинку стула, и тёмный костюм. В руке он держал бокал с виски, а перед ним стояла пепельница, полная окурков. Завидев Виктора, он поднял руку в приветственном жесте, но лицо его оставалось напряжённым.

Виктор подошёл к столику и сел напротив. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Внешность Аркадия не изменилась за те годы, что они не виделись: те же пронзительные серые глаза, слегка навывкате, крупный нос с сеткой красных прожилок, волевой подбородок, который он всегда выпячивал, когда нервничал. Он постарел, но не сдался. Морщины стали глубже, а волосы, некогда чёрные, теперь были тронуты сединой.

— Выглядишь ты паршиво, — наконец произнёс Аркадий, нарушая тишину. — Как будто не спал неделю.

— Почти так и есть, — ответил Виктор, бросив портфель на соседний стул. — Ты тоже не лучше.

— Зато я честно предупреждал, — усмехнулся агент, делая глоток виски. — Говорил тебе: «Витя, не лезь в эту клоаку. Она тебя сожрёт». Но ты никогда не слушал. Вечно считал себя умнее всех. Дописался?

— Ты о рукописи? — Виктор пристально посмотрел на него.

— Я о всём, — Аркадий отвёл взгляд, уставившись в окно, за которым дождь хлестал по кустам шиповника. — Но начнём с рукописи. Ты сказал, что нашёл её. Где?

— На чердаке. В коробке со старыми архивами. Той самой, которую я не открывал десять лет.

— И что в ней? — Аркадий повернулся к нему, и в его глазах промелькнуло нечто, похожее на страх. — Она полная?

— Почти. Не хватает финала. Точнее, нескольких последних сцен, которые ведут к развязке.

— И что за развязка? — спросил агент, хотя по его тону было ясно, что он уже догадался.

— Смерть автора, — спокойно ответил Виктор, но от этого спокойствия у него самого похолодело в груди. — Убийца, следуя моему сюжету, должен убить писателя, который его создал. Это должна была быть красивая метафора. Теперь она может стать реальностью.

Аркадий выдохнул и поставил бокал на стол. Его пальцы,

унизанные перстнями, слегка подрагивали.

— Это безумие, — тихо произнёс он. — Ты понимаешь, как это звучит?

— Понимаю, — кивнул Виктор. — Но это правда. Я сопоставил детали. Места, жертвы, способы убийств. Всё сходится. Кто-то не просто украл мою рукопись. Кто-то решил её исполнить. Шаг за шагом. Словно спектакль по моему сценарию.

— И ты хочешь узнать, кто этот сумасшедший?

— Хочу. И, возможно, ты мне поможешь. Ведь ты единственный, кто знал о существовании этой рукописи. И, возможно, видел её больше, чем говоришь.

Аркадий нахмурился. В его взгляде появилась обида.

— Ты меня в чём-то обвиняешь? — спросил он с холодной интонацией.

— Я никого не обвиняю, — поспешил ответить Виктор. — Я просто пытаюсь понять. Ты сказал, что видел только начало. Но ты читал достаточно, чтобы назвать её «учебником для маньяка». Что именно ты прочитал? Ты помнишь содержание? Может, ты пересказывал его кому-то? Может, ты делал копии?

Аркадий долго молчал, крутя в пальцах бокал. Пламя камина отбрасывало на его лицо пляшущие тени, делая его черты ещё более жёсткими и хищными.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я расскажу тебе всё, что знаю. Но не здесь. Здесь слишкомлюдно.

— Людно? — Виктор обвёл взглядом пустой зал. — Кроме нас тут пара и бармен.

— И всё же, — Аркадий придвинулся ближе и понизил голос. — У стен есть уши. Пойдём, у меня есть машина. Поговорим там. Или, ещё лучше, у меня есть домик неподалёку. Поедем туда, там никто не помешает.

Виктор заколебался. Ехать куда-то с Аркадием было рискованно. Если он каким-то образом причастен к происходящему, то поездка в уединённый дом может закончиться плохо. Но, с другой стороны, в трактире, затерянном в глуши, он тоже не чувствовал себя в безопасности. Аркадий, казалось, заметил его сомнения.

— Витя, я понимаю твою паранойю, — сказал он, откидываясь на спинку стула. — Но я не убийца. Я слишком стар и труслив для таких подвигов. Я всего лишь литературный агент, который хочет разобраться в этом дерьме. Если ты мне не доверяешь, можешь уйти прямо сейчас. Я тебя не держу.

Виктор посмотрел ему в глаза. В них не было лжи, но была усталость и что-то ещё, похожее на обречённость. В конце концов, Аркадий был его единственным союзником. Единственным, кто знал о рукописи. Если он откажется от его помощи, то останется один на один с безумием.

— Хорошо, — согласился Виктор. — Поехали. Только давай без сюрпризов.

— Какие уж тут сюрпризы, — вздохнул Аркадий, поднимаясь из-за стола.

Они вышли из трактира. Дождь не утихал, но стал мельче и противнее. Аркадий направился к припаркованному неподалёку тёмно-синему седану. Виктор последовал за ним, чувствуя, как портфель оттягивает руку, а внутри него, словно живое существо, ворочается рукопись. Они сели в машину. В салоне пахло кожей и ароматизатором с запахом вишни. Аркадий завёл двигатель, и машина плавно тронулась, разбрызгивая лужи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.